

pocket**book**

Анаит ГРИГОРЯН

Поселок на реке Оредеж

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г83

В оформлении переплета использована
фотография *С. М. Прокудина-Горского*,
Река Оредеж, 1905 год

Григорян, Анаит Суреновна.
Г83 Поселок на реке Оредеж / Анаит Григорян. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199526-3

У подростков Кати и Лены Комаровых из многодетной бедной семьи забот полон рот: пока пьяные отец и мать ссорятся друг с другом, нужно как-то накормить, одеть и обуть младших сестреночек и братьев. На носу кризис 1998 года, но надежда на чудо не оставляет детей. И чудо все-таки случается. Ведь там, где взрослый не увидит ничего, кроме нищеты и безысходности, ребенок способен рассмотреть тайну...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Григорян А., текст, 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199526-3

Часть I

ПОСЕЛОК НА РЕКЕ ОРЕДЕЖ

1

Перед самым входом в сельскую церковь — плужа жидкой грязи, через которую перекинуто несколько досок. *Досточек*, как говорила бабушка Марья. Бабку Комарова любила: когда та была жива, подолгу сидела с ней вечерами, слушала путанные рассказы о жизни при коммунистах — бабушка была забывчива и часто по нескольку раз повторяла одно и то же, перевирая имена и даты, — а после того как бабушку похоронили, часто ее навещала. Могила тут же, на кладбище возле церкви: бабушка Марья была коммунисткой и Бога не признавала — на могильном кресте намалевана красная звезда. И нашим, значит, и вашим. Поп, отец Сергей, особенно не возражал: *Бог всех простит*, и на кладбище — несколько таких могил с крестами и звездами, а есть и совсем без крестов — один столб торчит с прибитой деревянной или жестяной табличкой. Уже осень, но кладбище утопает в буйно разросшейся сныти и одуванчиках, и тут и там виднеются высокие, крепкие стебли осота. Заметив Комарову,

равнодушная церковная кошка Васька, сидевшая на паперти, вздрогнула усами и широко зевнула.

— Вася, Васенька, кыс-кыс-кыс, — позвала Комарова, наклонившись и пошевелив у самой земли пальцами, чтобы кошка с ней поиграла. Но Васька только еще раз зевнула, прикрыла раскосые глаза и задремала.

— Ну, не хочешь, сиди как хочешь, дура рыжая. — Комарова выпрямилась, отряхнула подол, потом шагнула на доски, присела на корточки и резко встала. Между досками выступила густая коричневая жижа.

— Ну, егоза! — сердито одернула ее выходявшая из церкви высокая женщина. — Разведи тут еще болото! Грязи тебе мало!

Женщина прошла мимо, едва не спихнув Комарову в лужу, но тотчас и придержав ее за плечо, повернулась лицом к церкви и принялась не спеша креститься и отдавать поклоны. Губы ее беззвучно шевелились. Это была тетя Нина, или просто Нинка, известная на весь поселок тем, что поколачивала своего мужа, когда тот приходил домой выпимши. Многие женщины Нинку за это осуждали, но и втайне ей завидовали. Комаровой захотелось показать Нинке язык.

В церкви было сумрачно и приятно пахло, несколько прихожан молились, стоя с низко опущенными головами возле икон. Комаровой больше всех нравился Николай Чудотворец: отец Сергей говорил, что Николай покровительствует детям, и Комарова, как умела, молилась этому святому перед

сном за двух своих братьев и четырех сестер, особенно за Ленку. За себя Комарова не молилась, так как давно считала себя взрослой. Возле иконы никого не было, и Комарова подошла, запрокинула голову и застыла, мысленно творя молитву.

— Опять без платка? — Отец Сергей смотрел строго, но без осуждения.

— Ну...

— Что, опять потеряла? Что с тобой делать, раба Божия Екатерина?

Комарова шмыгнула носом. Белый шерстяной платок, подаренный на той неделе Сергиевой женой, попадьею Татьяной, она отдала Ленке, а Ленка потеряла. Позавчера Комарова отлупила ее за это хворостиной и теперь стеснялась — и того, что отдала подаренный платок, и хворостины.

— Ну... потеряла...

— Что ж ты...

— Так ведь за всем не уследишь, дел-то много. — Комарова покраснела.

Отец Сергей был человек еще относительно молодой для священника, ему не исполнилось и сорока пяти, но из-за полноты и какой-то преждевременной усталости он казался старше. Своих детей у него не было. Татьяна из-за этого часто плакала и говорила, имея в виду комаровских родителей, что вот, а всяким алкоголикам Бог дал: Мишке этому бессовестному, который над родной матерью измывался как хотел, пока та не померла... целых семеро бегают по поселку, растут как трава в поле. Сергей утешал жену как мог, объясняя ей, что

роптать грех, и что пути Господни неисповедимы, и всякое испытание дается от Бога; попадья как будто успокаивалась, всхлипывала и принималась прибираться или уходила на кухню.

— На вот... — Сергей запустил руку в глубокий карман подрясника, достал несколько «Коровок». — Не потеряешь?

Комарова хмыкнула, спрятала конфеты в карман платья, одну тут же развернула и сунула за щеку: «Коровка» оказалась свежей и растеклась во рту густой сладкой патокой.

— Помолиться пришла?

Комарова сделала вид, что конфета во рту мешает ей говорить. Отец Сергей вздохнул и поднял руку, чтобы перекрестить ее и вернуться к своим делам.

— Отче...

Слышно было, как тихонько потрескивают свечи и капает с них воск. Комарова иногда собирала этот растаявший и застывший каплями воск, грела в руках и скатывала в шарики.

— Я по делу пришла. С вопросом. Только вопрос нехороший. — Она запнулась и снова замолчала.

Сергей ждал, пальцы его правой руки так и остались сложены щепотью.

— Бог все простит.

Ленка шарики из воска складывала в коробку из-под чая, потом слепила из них человечка с руками и ногами, а вместо глаз вставила сгоревшие спичечные головки. Мать нашла человечка и выбросила. Ленка долго плакала.

— Я парня люблю.

Сергий нахмурился, подумал немного и сказал:

— Это не грех.

Ленка плакала, и мать надавала ей подзатыльников.

— Он меня старше.

Сергий помолчал еще. Татьяна вот тоже младше его на целых четырнадцать лет, и ничего, живут.

— Намного?

Комарова шмыгнула носом:

— Не знаю. Лет на шесть. Может, на восемь.

Татьяна иногда запиралась на кухне. Сергей на цыпочках подходил к двери и прислушивался: было очень тихо, только время от времени Татьяна вдруг делала глубокий вдох и то ли всхлипывала, то ли стонала. В дверную щель почти ничего нельзя было разглядеть: Татьяна, чтобы его не тревожить, не включала электрического света и зажигала вместо него свечу. В поселке начинала лаять на запоздавшего прохожего собака, проезжала по далекому шоссе одинокая машина или громыхала фура с лесом. За печкой цвиркал сверчок. Жена вставала, наливала из чайника холодного кипятка, пила большими глотками. Сергей так же осторожно, как пришел, возвращался в комнату.

— Ты его разве больше, чем Бога, любишь?

Комарова подняла глаза, испуганно поморгала, помотала белобрысой головой:

— Нет, не больше.

— Тогда тоже не грех, — заключил отец Сергей.

Он трижды перекрестил ее, потом погладил по голове. Комарова снова опустила глаза, уставилась в пол. Не заплакала бы. Один Господь знает, что делать с человеческими слезами.

— Еще что-нибудь хочешь рассказать?

— Ничего.

Ленка, когда плачет, трясется всем телом, хватается руками за голову, сгребает пряди волос грязными пальцами. Так плачут только мелкие — взрослые, это Комарова точно знала, плачут беззвучно, даже и непонятно сразу, что плачут, просто слезы катятся по щекам, и всё. Мать всегда сердилась, когда кто-нибудь из мелких ревел, и била их молча, закусив нижнюю губу, разве что Ольку жалела — за то, что та дурочка: скоро десять, а говорить так и не научилась, все на нее давно рукой махнули. Но зато Ленке и Катерине она спуска не давала и от души лупила их за всякую провинность.

— Точно ничего?

— Сказала же.

Сергий хотел спросить: «А он-то тебя любит?», но смутился и мысленно одернул себя. Ребенок еще — откуда ей знать.

— Тогда иди с Богом.

Он еще раз рассеянно провел рукой по ее голове и неторопливо пошел прочь.

В церковь в основном ходили женщины. Женщин было много, но историй у них было от силы две-три: или полюбила кого-нибудь — это если молоденькая, или муж пьяница, гулена и бьет, или тя-

жело одной, без мужа, справляться с хозяйством, забор вон покосился, а поправить некому, и свои силы уже не те — это если старуха. Бога им было мало, потому что Бог милостив, но молчалив, и нужен был священник и живое человеческое слово. Он в молодости хотел пойти на математико-механический и уехать в город, но отец настоял, чтобы сын пошел по духовной части. Сергей поклонился, поднял оброненную кем-то записку. В спине неприятно отозвалось. *За здравие.*

Комарова подождала, когда священник скроется в алтаре, подбежала к иконе и, оглядываясь, боясь, что кто-нибудь заметит, быстро собрала натекший со свечей, пахнувший медом воск, опустила в карман, выбежала из церкви и бежала до дороги и только там наконец остановилась и обернулась. Церковь стояла на пригорке и была очень старой, и красный кирпич ее стен потихоньку рассыпался в труху, и земля вокруг тоже была красноватой.

Бабка Марья рассказывала, что в тридцать седьмом большевики расстреляли здешнего батюшку — отца Алексия. Бабка была тогда маленькой девочкой, младше Ленки, наверное. Она говорила, что все видела: у церкви были заросли малины и дети бегали ее собирать. Отец Алексий был очень старый и совсем седой; когда его выводили из церкви, он несколько раз споткнулся, потом вообще упал, и его подняли, поставили на ноги и застрелили прямо перед церковью. Бабка из малины все и видела. Комарова встречала отца Алексия: он по-

являлся поздно вечером, когда церковь была закрыта, был весь в белом и хромал, потому что сначала ему выстрелили в ногу, а уже потом — в голову. Это бабка Комаровой рассказывала: тот, который стрелял, был еще совсем мальчик, а второй, старший, его потом ругал, что он не умеет обращаться с оружием. Влажные седые пряди Алексея липли ко лбу, и, когда Комарова его окликнула, он не обернулся. Когда она рассказала матери, та ударила ее наотмашь по лицу и сказала, чтобы не смела шлаться по вечерам где попало.

Комарова сплюнула в пыль, сунула руку в карман, дотронулась до теплого комка воска. Деревья на кладбище покачивались от ветра и тихо поскрипывали, где-то долбил по стволу дятел. Она сощурилась, пытаясь разглядеть птицу в мельтешении листвы, но ничего не было видно. Потемневшее к вечеру небо заволокли тучи, и накрапывал дождь. Комарова поежилась, достала из кармана еще одну конфету, развернула, сунула в рот и побрела по дороге. Хотелось есть, но от конфеты во рту стало только приторно и противно.

Навстречу шла Светка со своим парнем Павликом. Светка была городская, но дачу не снимала, а жила тут у тетки — тети Зины — и каждый раз задерживалась чуть не до середины сентября. Комарова прибавила шаг и, поравнявшись со Светкой, ухватила ее за подол, рывком задрала юбку, так что оголились загорелые, в царапинах Светкины ноги, а заодно и трусы с кружавчиками, и бросилась бежать. Светка завизжала. Отбежав на безо-

пасное расстояние, Комарова обернулась. Павлик за ней не гнался: помогал Светке расправить подол.

— Кошка драная! — крикнула Комарова.

— Сама такая!

— Дура ты, Комарица! — поддержал Светку Павлик.

Комарова нагнулась, взяла с земли камень. Павлик попятился.

— Чего? В город за этой кобылой поедешь?

— Может, и поедет, а тебе что, завидно?

Комарова, не целясь, бросила камень — он упал на дорогу, подняв облачко легкой белой пыли. Светка снова взвизгнула.

— Нужен он там кому, в твоём городе!

Светка хотела ответить, но поджала губы, схватила Павлика за руку и потянула прочь. Комарова пожалала плечами и отвернулась. Дождь усиливался, и по спине поползли упавшие за шиворот прохладные капли. Первая осень, когда не нужно идти в школу, — семь классов Комарова с грехом пополам окончила, а в восьмой не пошла: и так дел по хозяйству невпроворот. Ленка вон вообще пятый бросила, не доходила, и никто ей слова не сказал; мать только рукой махнула, мол, дура — дура и есть, читать по слогам научилась — и на том спасибо. Без школы хорошо: никто не спрашивает домашних заданий и не вызывает к доске, а все-таки немного скучно и непонятно, что дальше. И еще Сергей этот — «не грех, не грех». Комарова слышала, как тетка Нина говорила Алевтине, что к его Татьяне ходит по ночам черт, и Алевтина подда-

кивала, мол, ходит-ходит, то через печную трубу, то в окно влазит, она сама видела, и хвост у черта был длинный и тонкий, как веревка, а на конце — кисточка вроде как у коровы. И все эта дура врет, ничего-то она не видела. Во-первых, те, к которым черт ходит, худые и грустные, потому что их сушит тоска, а Татьяна вон какая — румяная и веселая. Во-вторых, должны быть обязательно на шее синие отметины, потому что черт, когда приходит к женщине, ее душит — сначала так только, вроде играет, а потом возьмет и насмерть задушит. А у Татьяны никаких на шее отметин нет — белая шея и чистая, каждую неделю она, что ли, в бане моется. Комарова провела пальцами по влажным волосам, запрокинула голову, и крупные увесистые капли упали ей на лоб и щеки.

— Ка-ать! — Ленка выскочила откуда-то из придорожных кустов. Босая, конечно, ноги грязные, и встала прямо в лужу.

— Чего не обулась?! — крикнула в ответ Комарова. — Ноги застудишь!

— Небось не застужу. — Ленка подошла ближе и утерла нос рукавом. — Тепло еще.

— Тепло, тепло, с носу потекло, — передразнила Комарова, сунула руку в карман и отдала Ленке пару «Коровок». Та сразу развернула и запихнула в рот обе.

— Чё, к бабке ходила?

— Не болтай с набитым ртом.

— Ну чё?

— К бабке.

— И чё бабка сказала?

— Сказала, всыпать тебе давно пора. Хворостиной по жопе.

— Позавчера уже всыпала.

— Мало, значит. Надо добавить.

Ленка отвернулась, насупилась, помолчала.

— Саня с утра зубами мается. Воет.

— Надо было к фельдшерице его отвести. — Комарова посмотрела на босые Ленкины ноги, до колен облепленные грязью. Тепло ей, как же... туфли она осенние бережет.

— Бати нет, а мать того...

— Понятно.

Бабка рассказывала, что до прихода советской власти в поселке жили такие колдуны, которые пошепчут над зубом там больным или чирьем, пошепчут, и все проходило, и не надо было ни к какой фельдшерице. Фельдшерица все равно ничего не сделает, разве только даст парацетамолу и выпишет направление в город, а в город Саню никто не повезет. Это два часа на электричке, и там еще неизвестно сколько — город-то большой, а он уже третий день орет.

— Чего у него?

— Ну щеку раздуло, во... — Ленка приложила кулак к щеке. — Во! И орет.

— Понятное дело, что орет.

— Это Босой виноват, — вдруг сказала Ленка.

— Чего вдруг Босой-то?

— Он Саню на прошлой неделе в канаву толкнул, помнишь? Саня ему под велик сунулся.

— Ну помню. И что?

— Вот тебе и что! Вот у него и зуб теперь!

— Дура. Как из деревни...

— Сама ты дура, — надулась Ленка и поджала губы. — Сама ты из деревни...

Бабка говорила, теперь никто таких слов не знает, которые надо шептать над зубом, чтобы прошло, потому что колдуны свои заговоры партийным не передавали. Комарова пнула калитку, петли заскрипели, и Ленка хихикнула:

— Смазать бы, Кать...

— Чем я смажу? Соплями твоими?

Саня орал так, что было слышно на улице. В соседнем дворе залилась лаем овчарка, одуревшая от Саниного воя.

— Пачку соли давай разведи в миске.

— Целую?

— Ну...

— Мать узнает, крику будет...

— Иди давай.

Ленка побежала через двор; в сумерках казалось, что на ногах у нее темные гольфы. Комарова осторожно поднялась по ступеням крыльца, вошла в дом, тихо, на ощупь прошла по длинному, заваленному хламом коридору. Саня сидел в углу комнаты, прижавшись больной щекой к стене. Увидев Комарову, он примолк и громко шмыгнул носом. Рядом на полу сидели Анька и Светка. Комарова шуганула их, подошла к Сане, присела на корточки:

— Открывай рот давай.

Саня покорно открыл рот, Комарова сунула палец ему за щеку, оттянула. В комнату зашла Ленка, поставила на пол миску с соленой водой. На десне у Сани белел фуфел.

— Ну, иглу тащи и спички.

Вот если бы знать те слова, которые колдуны шептали. В поселке была еще при советской власти такая баба Нюра, которая могла не только зуб, а и перелом заговорить, так чтобы не болело и срасталось без всякого гипса. Деду когда ногу придавило бревном на лесопилке, баба Нюра ему каких-то листочков на ногу положила, потом хлебный мякиш в воде размяла, что-то над ним пошептала-пошептала — и на больное место ему. У деда быстро все зажило, даже в больницу не пришлось везти. Комарова его не помнила, он помер до ее рождения, а батя говорил, что он всю жизнь сильно хромал и был страшный матерщинник. Бабка потом бабу Нюру просила ей записать, что она там над хлебом-то шептала, но баба Нюра сказала, что, раз бабка партийная, она ей слова передавать не станет, и как бабка ни упрашивала — она ни в какую. Саня взвизгнул, шарахнулся в сторону, стукнулся головой об стенку и заскулил.

— Всё, больше болеть не будет, полощи теперь.

Ленка схватила с полу миску, ткнула Сане в лицо.

— Давай, Санечка, полощи. Больше болеть не будет. Ну... чё ты...

Саня отхлебнул немного из миски и стал полоскать рот.

Комарова вышла из комнаты, прихватив с собой спичечный коробок. Кто-то из мелких проскочил мимо: не терпелось посмотреть на притихшего Саню. Она шагнула из духоты прихожей в прохладную сентябрьскую ночь, вскочила, подтянувшись на руках, на перила крыльца, вытащила из щели между досками припасенную с утра самокрутку, чиркнула спичкой и закурила. Дым тонкой струйкой потек в воздухе; на перила бесшумно, как тень, взлетела Дина и улеглась, подобрав под себя лапы и щуря желтые глаза. Комарова протянула к ней руку, но Дина предостерегающе заворчала.

— Ну и пошла ты, дура блохастая... — Комарова сбила с самокрутки пепел и сплюнула в траву. — Не очень-то и хотелось.

Из дома вышла Ленка, притворила за собой дверь, тоже забралась на перила и уселась, прижавшись спиной к столбу, поддерживавшему полусгнивший навес над крыльцом. Комарова пошарила в тайнике, вытащила еще одну самокрутку, отдала Ленке вместе со спичками.

— Ну, рассказывай... — Ленка затаилась. Когда она курила, то была похожа на отца: он так же зажимал зубами беломорину и глубоко затягивался, а потом вынимал папиросу изо рта двумя пальцами, выдыхал дым и сплевывал густую ржавую слюну. — Взяла тебя Олеся Иванна или чего? — Она поерзала на перилах и уставилась не мигая

в глаза Комаровой. Белесые ресницы ее чуть подрагивали.

А Комарова совсем и забыла, что утром ходила устраиваться на работу. Осенью дни длинные, тягучие, и в один осенний влезает десяток летних.

— Морду бы умыла.

— Ну Ка-ать...

— Санитарная книжка нужна. — Комарова затянулась, вдохнула пахнувший малиной и черникой дым.

— Чего за книжка такая?

— Ну, такая... там всякое написано, вроде что ты... — Комарова задумалась. — Не обманешь там покупателя, не всучишь ему чего не того...

— Да ну, Олеся Иванна сама вон всучает! Мужики на прошлой неделе паленой водкой отравились! Двоих на прошлой неделе увезли по «Скорой»!

— Ну, может, она не знала, что водка паленая.

— Да как же, не знала она... Чего не знала-то?

— Ты-то сама откуда знаешь? — рассердилась Комарова на сестру: мелкая, а туда же...

— Бабка Женья тете Нине говорила.

— Ведьма эта бабка Женья.

— Ведьма, — согласилась Ленка. — Я сама видела, как она соседям чего-то в грядку пихала. Яйца тухлые и шерсть собачью.

— Да ты чего... — Комарова придвинулась к Ленке. Дина, недовольно фыркнув, спрыгнула вниз и пропала в сумерках. — Ты чего... откопала и в руки это все брала?

— Ну откопала...

— Да ты дура совсем! — Комарова размахнулась и ударила Ленку по уху, та покачнулась и покраснела как свекла. — Дура совсем!

Ленка надулась, уставилась в пол. Говоришь ей, говоришь, все как об стенку горох. Лезет куда не надо.

— Дура совсем, — повторила Комарова. — Выбросила хоть?

— Выбросила, — буркнула Ленка. — Через левое плечо поплевала и сказала так: откуда пришло, туда и иди.

Врет, конечно.

— Ну хоть так. Так, может, и не будет ничего. А то сама знаешь чего.

— А чего?

— Сама знаешь чего. Отстань.

— Ну и пожалуйста.

От самокрутки остался коротенький, едва тлеющий хвостик. Комарова растерла его о стену и отшвырнула щелчком. Когда Ленка одной осенью тяжело заболела гриппом, бабка Женья приходила, приносила еще теплое парное молоко в зеленом бидоне и тертую клюкву с сахаром, потом позвонила со станции каким-то своим родственникам в город, и приехала молодая, коротко стриженная сердитая женщина, которая Ленку раздела догола, долго крутила, что-то в ней слушала, оставила какие-то таблетки и пластыри, и бабка Женья сама на Ленку эти пластыри лепила и заставляла есть таблетки вместе с тертой клюквой и запивать молоком.